

Илит газета 4/1946, 17 ноябрь 1946

ТАЛАНТ, ТРУД ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

М. УЛЬЯНОВ. Недавно я разговаривал с одним драматургом: он считает, что надо писать такие произведения, которые поднимали бы, так сказать, общечеловеческие проблемы, как бы мостиком перебрасывались в прошлое и имели бы значение в будущем. Он уверен, что злободневность еще не обеспечивает пьесе долгой жизни. Он, скажем, считает, что «Премия» Александра Гельмана — это быстропроходящее, сиюминутное творчество. В общем, он его не отрицает, но считает, что проблемы меняются и со временем, когда злободневная ситуация, положенная в основу конфликта, утратит свою актуальность, умрет и пьеса.

Вот как вы к такому мнению относитесь, Борис Львович? Спрашиваю потому, что и сам по этому поводу размышляю...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Вы знаете, Михаил Александрович, тут есть для меня одна вещь бесспорная. Действительно, искусство должно решать какие-то вечные проблемы — в этом его сила, его бессмертие. Но ведь есть же еще и другое: а все ли на такое способны? Конечно, величайшее

картину будут снимать на «Ленфильме»...

Короче, я говорю, что без этой вот сегодняшней обжигающей силы ничего не выхлудит. Ни в классических произведениях, ни в современных.

В этом смысле мне лично дорог писатель, размышляющий и о прошлом, и о будущем, о великих и малых проблемах человеческого жития-бытия, — опять же с сегодняшних позиций. Потому что нельзя раскладывать проблемы на вечные и не вечные.

Это все вроде бы ясно, но, к сожалению, так мучительно трудно осуществимо... Щупаешь, щупаешь, и не всегда пульс найдешь. Все не то. Не главное...

Вот вы, Борис Львович, по каким признакам определяете, что одни пьесы или спектакли современные, другие — нет?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Вопрос довольно сложный. Но уж, конечно, не по покрову пиджака героя. Если — ну, я говорю условно, поймите меня правильно: если после спектакля — как-то невольно для себя — я начинаю думать не только о самом произведении, но и в том направлении, которое мне подсказала пьеса, смо-

только своим талантом и мастерством — он всегда неожиданно нов, поразительно неизвестен. Вот этим же, мне кажется, привлекают такие актрисы, как Юлия Борисова, Алина Фрейндлих... Они интересны тем, что нельзя угадать — «а что там, за поворотом?». Если я точно знаю, что «за поворотом» будет все тот же куст сирени, я пойду туда вразвалку и нехожа. А когда «за поворотом» вместо куста сирени окажется вдруг пальма среди сибирских снегов...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Знаете, однажды «для собственного пользования» я сформулировал, что есть искусство. Человек может прожить только одну жизнь, и не каждому дано глубоко ее осмыслить — я не буду касаться причин, они разные. К тому же осмысление жизни нередко начинается во второй половине, когда «лик» пройден. И искусство помогает нам в осмыслении жизни. Оно в образной форме моделирует человеческие отношения — личные, общественные, моделирует человека.

Если искусство выполняет эту задачу, оно современно. Если оно увидело, воспроизвело, воссоздало модель сегодняшних человеческих отношений, такое искусство дорого. А если там лишь модель вчерашнего дня, давно знакомая мне, тогда искусство начинает выполнять другую свою функцию, второстепенную. Порой, стараясь развлекать, а не воспитывать. Вы, конечно, можете в меня «вцепиться»...

ная и нелепая смерть тогда работу прервала.

Через несколько лет Рачия Никитич Капеланя, поставивший трагедию в Ереване, был приглашен перенести спектакль на сцену вахтанговского театра. И когда мы начали работать с Рачия Никитичем и думать, думать, я вдруг понял, что то, что происходило в XV веке, когда жил Ричард III, имеет непосредственное отношение к сегодняшнему миру.

И «мой» Ричард перестал быть сверхчеловеком. Он ведь получает возможность убыть не в силу каких-то из ряда вон выходящих магических, мистических, гипнотических и прочих сил, а лишь потому, что мир разобщен и раздроблен. Поэтому я и стараюсь в меру своих возможностей — как бы это сказать? — вывернуть его наизунок и показать, что ничего сверхъестественного в нем нет. Мне кажется, ситуация «Ричарда III» имеет отношение к современному миру. Ибо, к сожалению, «горло» и наглость иногда бывают победительнее ума и здравого смысла. Ибо нахрап и наглость порой иногда одерживают верх над достоинством и честью. Вот, собственно, те размышления, с которыми мы мучительно и долго работали над спектаклем. Наша работа, в общем-то, конечно, несколько соотновляется привычному представлению о Ричарде...

Б. ВАСИЛЬЕВ. О Шекспире. Прежде всего — о Шекспире.

М. УЛЬЯНОВ. Да, я слышал: «Это не Шекспир —

А в целом я бы сказал так: театр имеет право ошибиться, но — в поиске. Если отобрать у театра право на поиск, он начнет жиреть в ощущении, так сказать, своей единственности и неповторимости.

А как только у театра начинает расти «брюшко», как только он становится непререкаемым...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Все — конец...

М. УЛЬЯНОВ. Только в диалектической бесконечности развития есть смысл. В спорах, в поисках и открытиях своего видения, своего мира.

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я задал вопрос о Ричарде еще и потому, что меня самого он в известной степени волнует, поскольку я вдруг «ударился в историю». Должен сказать, что я тоже писал свой новый исторический роман «Были и небыли...», действие которого происходит в конце прошлого века, с полным ощущением, что пишу о сегодняшнем дне. И для меня стало ясно, что современность — не форма, а суть, мысли. Если современна только форма, то даже архисовременная по теме пьеса или повесть, рассказывающая о, не знаю, космонавтике, о высадке на Луне, о будущем мире, окажется вчерашним днем, и все будет это четко ощущать, и примеряю я могу вам привести миллион. Прямо сейчас.

Вот современное по-настоящему, то есть и по форме, и по содержанию произведение последнего времени — «Премия». Тут не только среда современ-

для меня уже не искусство.

М. УЛЬЯНОВ. А если оно еще и уходит от костра?

Б. ВАСИЛЬЕВ. О, тогда это конец! Тогда это антиискусство!

Может быть, я максималист, но задачу искусства я вижу в стремлении помочь человеку жить, а не устрашать его или будить в нем какие-то низменные инстинкты. Оно должно делать добро.

Даже когда на земле исчерпан границы — а это будет — верю, знаю! — и тогда коммуникабельность автоматически не станет полной, что ли. И тогда нужно будет «притирать» разные характеры друг к другу, и тогда Адам будет искать Еву, а Ева — Адама.

Тут ведь есть еще одна интересная вещь, Михаил Александрович: как бы искусство ни тщилось сделать современнее спектакль, фильм, пьесу, книгу и т. д., оно неизбежно отстает от события, о котором рассказывает. Потому что художнику нужно не только увидеть что-то, но осмыслить увиденное и создать произведение, на что необходим большой временной этап. Все равно к перекрестку Ангары — я условно говорю — он опоздает: когда выйдет книга, пьеса, спектакль, фильм — это будет уже рассказ о вчерашнем дне. Весь вопрос в том, что сообщит нам автор, кроме самого факта перекрестка Ангары.

Я хочу сказать: что случилось с Потаповым, произошло лет пять назад. Но те выводы, которые мы извлекаем из этого события, интересны нам сегодня и будут интересны еще завтра и послезавтра. Вот почему это современное искусство. Вы задумались...

М. УЛЬЯНОВ. Я задумался, потому что...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Здесь есть противоречие?

М. УЛЬЯНОВ. Противоречия тут нет, но есть просто-напросто сложность вопроса, на который, в самом деле, однозначно не ответить. Все-таки есть современность, а есть злободневность — мне кажется, вещи разные.

Современность — это размышления о жизни времени с выводами, с обобщениями. А злободневность — в общем, фотографирование сегодняшнего факта. Без широких выводов и обобщений...

Я бы определил их так: в искусстве злободневность не думает, а современность размышляет. Злободневность говорит: «Вот так было!» А современность объясняет: «А почему так?» Злободневность, так сказать, фотографирует, чтобы фотография сегодня сыграла свою роль, что тоже очень нужно, а современность — это художнический процесс, когда через частное художник старается проникнуть в сущность явления, к типичному. В том-то и сложность — современное искусство должно не только отразить жизнь, но и понять, осмыслить, что в ней самое главнейшее.

По-разному художники принимают за новую работу: одни — с желанием угадать что-то в сегодняшнем дне, другие — с желанием разобрататься. Угадать — это значит быть первым, а разобрататься — значит быть верным...

Б. ВАСИЛЬЕВ. А жаловались, что не можете мыслить «развести по полкам и взводам»...

Запись диалога и фото Григория ЦИТРИНЯКА

Писатель
Борис ВАСИЛЬЕВ
ДИАЛОГ
Артист
Михаил УЛЬЯНОВ

СПЕКТАКЛЬ ИДЕТ СЕГОДНЯ...

счастье, когда человеку вдруг удается создать нечто вечное. Это поразительно редкая штука. За всю мою жизнь я прочитал немалое число книг писателей-современников, но много ли можно назвать вечных героев, кроме Григория Мелехова?

Однако искусство не может жить одними вечными проблемами. Есть множество вопросов, тревожащих современника, и искусство должно ими жить, если они — проблемы. Поэтому — ради бога, меня простите! — в позиции вашего знакомого я вижу стремление «делать искусство в перчатках». То есть: «Я не буду брать за сегодняшние проблемы, если они завтра исчезнут, а возьмусь-ка за те, что никогда не исчезнут. Их я и буду вершить!» Почему бы тогда не пойти дальше и не ввести разделение на «белое и черное духовенство в искусстве» — тех, кто займется, так сказать, вечною, и тех, кто поможет людям жить сегодня?.. Вот ведь до какого абсурда можно дойти, логически продвигая эту мысль.

М. УЛЬЯНОВ. Нет, я не «вцеплюсь», потому что сам я не смог бы так ловко выстроить свои довольно бурные, но не разведенные по «полкам» и «взводам», что ли, размышления о современности искусства.

Конечно, модель, создаваемая театром, должна соответствовать жизни — вот этот «наклад» должен совпадать. Только как это сделать!

В том-то главная забота сегодняшнего художника — понять, что такое современность. В том-то и вся мука его, что, пробуя тысячу вариантов, он порой не может найти «ключ от сердца» зрителя или читателя. Он пробует связки ключей — и ничего не получается, а потом вдруг дверь поддается какому-то очень простому ключу...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Если это ключ, а не отмычка.

М. УЛЬЯНОВ. В том-то и дело...

Б. ВАСИЛЬЕВ. У меня тоже есть вопрос. Вы — художник современный. По делам, по взглядам, по представлению о мире, об искусстве, по общественной деятельности. Но ведь с огромной страстью вы работаете над образами историческими, отдавая этому колоссальные силы. В частности, вы только что сыграли Ричарда, роль, которая для вас чудовищно тяжела — это хорошо заметно из зала. Вы играете с восторгом и упоением, и это тоже все видят. Но почему же — именно Ричард?

М. УЛЬЯНОВ. Знаете, Борис Львович, профессионализм, мастерство и т. д. — это те инструменты, без которых не откроешь ни один замок. Но и они — не самое главное. Самое же главное для меня заключается в том, чтобы сегодняшнего зрителя заставить размышлять о проблеме, которая мне кажется важной. Вот когда это есть, тогда работа переключается через рампу или экран и становится предметом яростного, иногда болезненного, иногда мучительного, иногда запутанного, но всегда необходимого разговора и размышления о жизни.

Что же касается «Ричарда III», то эта работа была начата не мной, а Михаилом Федоровичем Астанюком в шестьдесят, кажется, пятом году.

Б. ВАСИЛЬЕВ. До того он играл в концертах сцену встречи Ричарда с леди Анной.

М. УЛЬЯНОВ. Главным образом — ее. То была его мечта. Михаил Федорович хотел сыграть Ричарда и ставить спектакль, а я должен был быть у него «на пристяжке» — вторым исполнителем роли и вторым режиссером. Но неожиданным

все чересчур заземлено! Боже мой, достаточно почитать всего нескольких авторов и английскую историю того времени, чтобы понять, какая была безудержная, какая безудержная была эпоха! А мне ведь важно показать не «короля вообще», а что у него «в душе».

Ну, я могу по этому поводу говорить долго. О том же, кстати, шла речь в дискуссии на страницах «Литературной газеты». Я согласен с теми, кто признает за театром право на свое прочтение — и классической пьесы, и современной.

Промехи могут быть у театра? Могут. Перекосятся могут быть? Могут. С ног на голову может театр поставить автора? Может. Но это уже, как говорится, случай особый. Это крайность. Здесь, конечно, есть пределы: театр не должен черное перекрашивать в белое.

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я как раз принадлежу к тем, кто тоже считает это бесспорным правом театра. В доказательство разрешите привести «личный» пример. Марк Захаров поставил пьесу по моей повести «В списках не значился...». Спектакль получился интересный. Все согласовано со мной, но местами даже текст другой. Тема осталась прежней? Препней? Но спектакль — это еще и «плюс режиссер Марк Захаров». Еще и «плюс театр». Это разговор на ту же тему, но уже театральным языком. Я опять говорю не очень ясно?..

М. УЛЬЯНОВ. Нет, вы говорите ясно. И это очень для меня важно. Ибо как только театр начинает пересказывать произведение буквализски, боясь «собственного» голоса, тогда, как правило, ничего никогда не получается. И не может получиться.

Потому что я должен вместе с автором рассказать о жизни, о ее проблемах. Когда вместе, тогда — спектакль. А когда я имитирую, тогда я успеха не достигну. Ведь нельзя глядеть на мир только чужими глазами, даже — глазами великого драматурга, надо смотреть и своими тоже. А раз так, то я буду помощником автора — и не на подхвате, а вместе рассказывая о чем-то. И успех придет только тогда, когда у меня есть свой голос, пою ли я вторым или подголоском, подтягивая автору или поднимаясь иногда и над ним — бывает и такое...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Бывает...

М. УЛЬЯНОВ. Иначе нет серьезного разговора. О чем может идти речь, если не решаешься говорить своим голосом?

на и созвучна нам, тут есть ощущение больших сегодняшних задач, есть конфликт наших дней, я не могу его «трансформировать назад», в прошлые времена — он там не уместится.

Возможно, я ошибаюсь, но для меня «Премия» Гельмана оказалась более современной, нежели даже очень современно прозвучавший «Человек со стороны». В «Премии» ведь и герой удивительно привлекательный.

Понимаете, вот мы говорим «современность», «современность», а я недавно, когда ехал в командировку, взял с собой очень старую книжку — «Дон-Кихота». Я вам скажу хрестоматийную вещь — это чудовищно современная книга!

М. УЛЬЯНОВ. Начиная от ветряных мельниц, кончал самим Дон-Кихотом. Главным образом даже не Дон-Кихотом, а теми, кто его обманывает. Какие они современные...

Б. ВАСИЛЬЕВ. И какой современный хвост доносится со страниц книги!

Что же такое современность? Значит, не форма... Это я говорю к тому, что меня очень пугает часто проskalывающееся в критических статьях понимание современности как сиюминутности, как злободневности, не осененной, так сказать, раздумьями художника.

М. УЛЬЯНОВ. Вы имеете в виду ситуационность, что ли, современную?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Которую выдают за основной признак современности. Я думаю, что тот же «Дон-Кихот» для своего времени был злободневен — известно, что Сервантес задумывал его как пародию на рыцарские романы. Да и одетый был гидальго в доспехи, о которых Испания того времени давно забыла. Но ведь, кроме злободневности, было в романе нечто, что сохранило его на века...

М. УЛЬЯНОВ. Мгновенная передача сегодняшних событий без осмысления их — вот это несовременно. Фотографирование сегодняшней жизни, слепок ее — это еще не есть современное искусство.

Конечно, Дон-Кихот современен в его общечеловеческих размышлениях. Но я хочу спросить о другом: почему вот «Премия» вы считаете современной, а какую-то другую пьесу — нет? Хотя обе написаны вроде бы о сегодняшнем дне. Почему?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять. Все, что не выполняет этих трех функций,

и созвучна нам, тут есть ощущение больших сегодняшних задач, есть конфликт наших дней, я не могу его «трансформировать назад», в прошлые времена — он там не уместится.

Возможно, я ошибаюсь, но для меня «Премия» Гельмана оказалась более современной, нежели даже очень современно прозвучавший «Человек со стороны». В «Премии» ведь и герой удивительно привлекательный.

Понимаете, вот мы говорим «современность», «современность», а я недавно, когда ехал в командировку, взял с собой очень старую книжку — «Дон-Кихота». Я вам скажу хрестоматийную вещь — это чудовищно современная книга!

М. УЛЬЯНОВ. Начиная от ветряных мельниц, кончал самим Дон-Кихотом. Главным образом даже не Дон-Кихотом, а теми, кто его обманывает. Какие они современные...

Б. ВАСИЛЬЕВ. И какой современный хвост доносится со страниц книги!

Что же такое современность? Значит, не форма... Это я говорю к тому, что меня очень пугает часто проskalывающееся в критических статьях понимание современности как сиюминутности, как злободневности, не осененной, так сказать, раздумьями художника.

М. УЛЬЯНОВ. Вы имеете в виду ситуационность, что ли, современную?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Которую выдают за основной признак современности. Я думаю, что тот же «Дон-Кихот» для своего времени был злободневен — известно, что Сервантес задумывал его как пародию на рыцарские романы. Да и одетый был гидальго в доспехи, о которых Испания того времени давно забыла. Но ведь, кроме злободневности, было в романе нечто, что сохранило его на века...

М. УЛЬЯНОВ. Мгновенная передача сегодняшних событий без осмысления их — вот это несовременно. Фотографирование сегодняшней жизни, слепок ее — это еще не есть современное искусство.

Конечно, Дон-Кихот современен в его общечеловеческих размышлениях. Но я хочу спросить о другом: почему вот «Премия» вы считаете современной, а какую-то другую пьесу — нет? Хотя обе написаны вроде бы о сегодняшнем дне. Почему?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять. Все, что не выполняет этих трех функций,

треть куда-то дальше, вглубь, если возникает ряд каких-то ассоциаций, вот тогда это для меня современное произведение. А если я выхожу из зала и говорю: «Ну и что?» — дело, по моему, плохо. К сожалению, этот вопрос возникает куда чаще, чем тот ряд ассоциаций, о котором я сказал. Вопрос «ну и что?» как раз и означает отсутствие современности. Для меня лично. Полное отсутствие современности.

М. УЛЬЯНОВ. Я бы сказал еще так: современное произведение, будь то пьеса или спектакль, должно заставить зрителя думать, размышлять, сопоставлять, спорить. Вот если произведение заставляет думать — не только «о данной теме», а о многих других, — оно современно, ибо сегодня мир слишком многообразен, его надо понять. Искусство всегда учит размышлять.

Для меня современность искусства неотделима от профессионализма. Почему? Потому что дилетантство стало нашей бедой. Все понемножку все умеют. «Ну... можно... и так сыграть...»

Б. ВАСИЛЬЕВ. «И написать можно... так...»

М. УЛЬЯНОВ. И поэтому я завален пьесами, буквально завален. И театры завалены пьесами. Какая-то золотая лихорадка: «Раз он нашел, так почему я не могу найти? Он рыл? Значит, я тоже могу рыть!»

Короче говоря, профессионализм высочайшего класса, он является той естественной границей, на которой написано: «Стоп! Это выше, чем просто «а тоже могу!»». Поэтому профессионализм и еще нестандартность, неожиданность мышления представляются мне одним из важнейших признаков современного произведения искусства.

Ведь в одежде, в поведении, даже в словах порой достаточно много стандарта. Мне кажется, что и на сцене, и на экране мало неожиданных характеров и ситуаций. Между тем они остро необходимы.

Например, я считаю, что такой актер, как Сергей Юрский, привлекает не

и созвучна нам, тут есть ощущение больших сегодняшних задач, есть конфликт наших дней, я не могу его «трансформировать назад», в прошлые времена — он там не уместится.

Возможно, я ошибаюсь, но для меня «Премия» Гельмана оказалась более современной, нежели даже очень современно прозвучавший «Человек со стороны». В «Премии» ведь и герой удивительно привлекательный.

Понимаете, вот мы говорим «современность», «современность», а я недавно, когда ехал в командировку, взял с собой очень старую книжку — «Дон-Кихота». Я вам скажу хрестоматийную вещь — это чудовищно современная книга!

М. УЛЬЯНОВ. Начиная от ветряных мельниц, кончал самим Дон-Кихотом. Главным образом даже не Дон-Кихотом, а теми, кто его обманывает. Какие они современные...

Б. ВАСИЛЬЕВ. И какой современный хвост доносится со страниц книги!

Что же такое современность? Значит, не форма... Это я говорю к тому, что меня очень пугает часто проskalывающееся в критических статьях понимание современности как сиюминутности, как злободневности, не осененной, так сказать, раздумьями художника.

М. УЛЬЯНОВ. Вы имеете в виду ситуационность, что ли, современную?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Которую выдают за основной признак современности. Я думаю, что тот же «Дон-Кихот» для своего времени был злободневен — известно, что Сервантес задумывал его как пародию на рыцарские романы. Да и одетый был гидальго в доспехи, о которых Испания того времени давно забыла. Но ведь, кроме злободневности, было в романе нечто, что сохранило его на века...

М. УЛЬЯНОВ. Мгновенная передача сегодняшних событий без осмысления их — вот это несовременно. Фотографирование сегодняшней жизни, слепок ее — это еще не есть современное искусство.

Конечно, Дон-Кихот современен в его общечеловеческих размышлениях. Но я хочу спросить о другом: почему вот «Премия» вы считаете современной, а какую-то другую пьесу — нет? Хотя обе написаны вроде бы о сегодняшнем дне. Почему?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять. Все, что не выполняет этих трех функций,

и созвучна нам, тут есть ощущение больших сегодняшних задач, есть конфликт наших дней, я не могу его «трансформировать назад», в прошлые времена — он там не уместится.

Возможно, я ошибаюсь, но для меня «Премия» Гельмана оказалась более современной, нежели даже очень современно прозвучавший «Человек со стороны». В «Премии» ведь и герой удивительно привлекательный.

Понимаете, вот мы говорим «современность», «современность», а я недавно, когда ехал в командировку, взял с собой очень старую книжку — «Дон-Кихота». Я вам скажу хрестоматийную вещь — это чудовищно современная книга!

М. УЛЬЯНОВ. Начиная от ветряных мельниц, кончал самим Дон-Кихотом. Главным образом даже не Дон-Кихотом, а теми, кто его обманывает. Какие они современные...

Б. ВАСИЛЬЕВ. И какой современный хвост доносится со страниц книги!

Что же такое современность? Значит, не форма... Это я говорю к тому, что меня очень пугает часто проskalывающееся в критических статьях понимание современности как сиюминутности, как злободневности, не осененной, так сказать, раздумьями художника.

М. УЛЬЯНОВ. Вы имеете в виду ситуационность, что ли, современную?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Которую выдают за основной признак современности. Я думаю, что тот же «Дон-Кихот» для своего времени был злободневен — известно, что Сервантес задумывал его как пародию на рыцарские романы. Да и одетый был гидальго в доспехи, о которых Испания того времени давно забыла. Но ведь, кроме злободневности, было в романе нечто, что сохранило его на века...

М. УЛЬЯНОВ. Мгновенная передача сегодняшних событий без осмысления их — вот это несовременно. Фотографирование сегодняшней жизни, слепок ее — это еще не есть современное искусство.

Конечно, Дон-Кихот современен в его общечеловеческих размышлениях. Но я хочу спросить о другом: почему вот «Премия» вы считаете современной, а какую-то другую пьесу — нет? Хотя обе написаны вроде бы о сегодняшнем дне. Почему?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять. Все, что не выполняет этих трех функций,

и созвучна нам, тут есть ощущение больших сегодняшних задач, есть конфликт наших дней, я не могу его «трансформировать назад», в прошлые времена — он там не уместится.

Возможно, я ошибаюсь, но для меня «Премия» Гельмана оказалась более современной, нежели даже очень современно прозвучавший «Человек со стороны». В «Премии» ведь и герой удивительно привлекательный.

Понимаете, вот мы говорим «современность», «современность», а я недавно, когда ехал в командировку, взял с собой очень старую книжку — «Дон-Кихота». Я вам скажу хрестоматийную вещь — это чудовищно современная книга!

М. УЛЬЯНОВ. Начиная от ветряных мельниц, кончал самим Дон-Кихотом. Главным образом даже не Дон-Кихотом, а теми, кто его обманывает. Какие они современные...

Б. ВАСИЛЬЕВ. И какой современный хвост доносится со страниц книги!

Что же такое современность? Значит, не форма... Это я говорю к тому, что меня очень пугает часто проskalывающееся в критических статьях понимание современности как сиюминутности, как злободневности, не осененной, так сказать, раздумьями художника.

М. УЛЬЯНОВ. Вы имеете в виду ситуационность, что ли, современную?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Которую выдают за основной признак современности. Я думаю, что тот же «Дон-Кихот» для своего времени был злободневен — известно, что Сервантес задумывал его как пародию на рыцарские романы. Да и одетый был гидальго в доспехи, о которых Испания того времени давно забыла. Но ведь, кроме злободневности, было в романе нечто, что сохранило его на века...

М. УЛЬЯНОВ. Мгновенная передача сегодняшних событий без осмысления их — вот это несовременно. Фотографирование сегодняшней жизни, слепок ее — это еще не есть современное искусство.

Конечно, Дон-Кихот современен в его общечеловеческих размышлениях. Но я хочу спросить о другом: почему вот «Премия» вы считаете современной, а какую-то другую пьесу — нет? Хотя обе написаны вроде бы о сегодняшнем дне. Почему?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять. Все, что не выполняет этих трех функций,

и созвучна нам, тут есть ощущение больших сегодняшних задач, есть конфликт наших дней, я не могу его «трансформировать назад», в прошлые времена — он там не уместится.

Возможно, я ошибаюсь, но для меня «Премия» Гельмана оказалась более современной, нежели даже очень современно прозвучавший «Человек со стороны». В «Премии» ведь и герой удивительно привлекательный.

Понимаете, вот мы говорим «современность», «современность», а я недавно, когда ехал в командировку, взял с собой очень старую книжку — «Дон-Кихота». Я вам скажу хрестоматийную вещь — это чудовищно современная книга!

М. УЛЬЯНОВ. Начиная от ветряных мельниц, кончал самим Дон-Кихотом. Главным образом даже не Дон-Кихотом, а теми, кто его обманывает. Какие они современные...

Б. ВАСИЛЬЕВ. И какой современный хвост доносится со страниц книги!

Что же такое современность? Значит, не форма... Это я говорю к тому, что меня очень пугает часто проskalывающееся в критических статьях понимание современности как сиюминутности, как злободневности, не осененной, так сказать, раздумьями художника.

М. УЛЬЯНОВ. Вы имеете в виду ситуационность, что ли, современную?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Которую выдают за основной признак современности. Я думаю, что тот же «Дон-Кихот» для своего времени был злободневен — известно, что Сервантес задумывал его как пародию на рыцарские романы. Да и одетый был гидальго в доспехи, о которых Испания того времени давно забыла. Но ведь, кроме злободневности, было в романе нечто, что сохранило его на века...

М. УЛЬЯНОВ. Мгновенная передача сегодняшних событий без осмысления их — вот это несовременно. Фотографирование сегодняшней жизни, слепок ее — это еще не есть современное искусство.

Конечно, Дон-Кихот современен в его общечеловеческих размышлениях. Но я хочу спросить о другом: почему вот «Премия» вы считаете современной, а какую-то другую пьесу — нет? Хотя обе написаны вроде бы о сегодняшнем дне. Почему?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять. Все, что не выполняет этих трех функций,